

5. Маслова В. «Языковая картина мира» и «поэтическая картина мира» и их роль в межкультурной коммуникации / В. Маслова // Ученые записки Таврического национального университета. Серия «Филологические науки». – 2004. – Т. 17 (56). – С. 121-127.

6. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 39-45.

7. Ніконова В. Г. Трагедійна картина світу в поетиці Шекспіра: монографія / В. Г. Ніконова. – Дніпропетровськ: Видавництво ДУЕП, 2007. – 364 с.

8. Сахарный А. А. Введение в психолингвистику: курс лекций / А. А. Сахарный. – Л.: Из-во Ленинградского ун-та, 1989. – 184 с.

9. Скаб М., Скаб М. Основні чинники формування індивідуально-авторської концептуальної картини світу / М. Скаб, М. Скаб // Науковий вісник Чернівецького університету. Слов'янська філологія. – Вип. 475-477. – Чернівці: Вид-во Чернівецького національного ун-ту, 2009. – С. 293-297.

10. Nowy słownik języka polskiego / pod red. E. Sobol. – Warszawa: PWN, 2002. – 1312 s.

11. Twardowski Jan. Miłości wystarczy że jest. – Katowice: Wydawnictwo UNIA, 2004. – 335 s.

УДК 821.161.1:82-1

Алена Тереховская
(Ивано-Франковск)

«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»: СКАЗКА ИЛИ ПОЭМА? К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ И ЯЗЫКОВОЙ СПЕЦИФИКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА

В статье произведение А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» проанализировано в аспекте его жанрово-стилистической специфики. Определено, что в «Руслане и Людмиле» содержатся ярко выраженные жанровые признаки как сказки, так и поэмы, что позволило отнести произведение к жанру волшебной прозаической поэмы. Анализ языка «Руслана и Людмилы» показал, что его стилистическая пестрота (смешение высоких и просторечных слов и выражений) свидетельствует в пользу языкового богатства и народности произведения.

Ключевые слова: жанр, стиль, поэма, сказка, волшебнo-фантастическое начало, лирические отступления, автор-наратор, стилистическая пестрота.

Изучение творческого наследия А. С. Пушкина в вузе продолжает вызывать как у преподавателей, так и в студенческой среде, огромное множество всякого рода спорных вопросов, несмотря на, казалось бы, уже значительный период пристального научного внимания к великому русскому поэту. Это обусловлено, прежде всего, многогранностью его поэтического таланта и сознательно выбранной им литературной позицией – свободного художника, смелого экспериментатора, активного наблюдателя и участника всех литературных полемик и движений своего времени. Более того, А. С. Пушкин был одним из самых образованных людей своей эпохи. В. Г. Белинский сказал о нем: «Он в просвещение с веком наравне...». А. С. Пушкину удалось установить своего рода баланс между многовековыми национальными традициями отечественной культуры и культурным опытом Западной Европы в то время, когда Россия выходила на самостоятельный путь культурного и, в частности, литературного развития.

Показательно, что А. С. Пушкин не знал состояния творческого покоя или удовлетворения, он постоянно шел вперед, разрушая общепринятые литературные правила, мнения, сознательно провоцируя литературные полемики и скандалы. Создается впечатление, что подобные ситуации его вдохновляли на дальнейшее творчество, просветляли его и давали новую почву для самоусовершенствования. Именно в таком интеллектуальном и эмоциональном контексте следует воспринимать «Руслана и Людмилу» – первое относительно большое произведение поэта, завершенное в 1819 г., и вышедшее в свет в 1820 г. «Нельзя ни с чем сравнить восторга и негодования, возбужденных первою поэмою Пушкина – «Руслан и Людмила», – писал В. Г. Белинский. – Слишком немногим гениальным творениям удавалось производить столько шума, сколько произвела эта детская ... поэма. <...> В этой поэме все было ново: и стихи, и поэзия, и шутка, и сказочный характер вместе с серьезными картинами» [1, с. 298, 301]. Этот красноречивый отзыв В. Г. Белинского позволяет ясно представить литературный переполох, вызванный выходом «Руслана и Людмилы». Произведение, действительно, во всех отношениях новаторское, и, прежде всего, – в жанровом. Как видим, В. Г. Белинский в приведенном отрывке определяет его как поэму, но в то же время акцентирует внимание на *сказочном* ее характере. Более того, в продолжение своего анализа «Руслана и Людмилы» он вообще нередко заменяет термин *поэма* на термин *сказка*: «Но бешеного негодования, возбужденного *сказкою* Пушкина, нельзя было бы совсем понять...» [1, с. 301]. Таким образом, в понимании В. Г. Белинского «Руслан и Людмила» равно как поэма, так и сказка. Примечательно, что и А. С. Пушкин в своем знаменитом предисловии, обращаясь к читателям, называет свое произведение сказкой:

*«...Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...» [6, с. 12].*

И, все-таки, попытаемся разобраться, элементов какого жанра в этом произведении больше, и каким образом сказочное начало в «Руслане и Людмиле» сочетается с художественно-поэтическими особенностями жанра поэмы?

Словарь литературоведческих терминов дает следующее определение сказки: «Сказка – это один из видов народной повествовательной литературы: произведение в прозе или – реже – в стихах, в котором речь идет о вымышленных событиях, иногда фантастического характера» [3, с. 143]. Известный фольклорист Н. И. Кравцов в работе «Сказка как фольклорный жанр» [2] среди главных отличительных признаков сказки выделяет « <...> эпичность, повествовательность, сюжетность, обязательность вымысла, нередко имеющего волшеббно-фантастическую природу; в сказках (особенно волшеббно-фантастических) широко используются чудесные предметы (обладающие чудодейственной силой) и явления. <...> Действие в сказках как бы обнажено, описание картин природы и быта обычно отсутствует. <...> Сказке свойствен счастливый конец, т.е. положительный герой добивается своей цели, и добро побеждает зло. <...> Сказке характерно наличие обязательных композиционных элементов: зачинов и концовок, троекратное повторение эпизодов, трехступенчатое развитие сюжета...» [2, с. 68,71,78].

Учитывая, что «Руслан и Людмила» – это не фольклорное, а литературное произведение, применим к нему перечисленные признаки избирательно. Начнем с сюжетности. В основе сюжета лежит известный мотив похищения невесты (в данном случае ставшей уже супругой), на поиски которой отправляется князь-муж:

*«И вот невесту молодую
Ведут на брачную постель;
<...> Супруг
Восторги чувствует заранее;
И вот они настали... Вдруг
Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит,
Кругом все смерклось, все дрожит,
И замерла душа в Руслане...
Раздался дважды голос странный,
И кто-то в дымной глубине
Взвился чернее мглы туманной...
И снова терем пуст и тих;
<...>*

*Людмилы нет во тьме густой,
Похищена безвестной силой» [6, с. 52].*

Преодолевая цепь сложных препятствий, встречаясь на своем пути со многими опасностями, герой-князь побеждает злого похитителя-карлу, жестоко расправляется с врагами, осадившими Киев, разоблачает преступное коварство своего грозного соперника Фарлафа и чудесным образом – прикосновением руки – освобождает от «очарованного» сна свою прекрасную Людмилу:

*«Руслан летит к Людмиле спящей,
Ее спокойного лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо: юная княжна,
Вздыхнув, открыла светлы очи!
<...>
И князь в объятиях прекрасной...
<...>
И старец в радости немой,
Рыдая, милых обнимает.*

*<...>
Владимир в гряднице высокой
Запировал в семье своей» [6, с. 98, 99]*

Как видно из приведенного отрывка, все заканчивается счастливо, справедливость восторжествовала, силы добра руками могучего витязя Руслана одерживают победу над злом, и старец-князь Владимир торжественно запировал. Все происходит в соответствии с законом жанра сказки.

Помимо этого в произведении широко использованы чудесные предметы (шапка-невидимка, волшебная борода, ключи с живой и мертвой водой), введены описания фантастических превращений и чудесных полумифических существ – колдунья Наина, обладающая способностью принимать различные обличья, живая говорящая голова:

*«... Смотрит храбрый князь –
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объаты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в темной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь.
В своей ужасной красоте*

*Над мрачной степью возвышаясь,
Безмолвием окружена,
Руслану предстоит она
Громадой грозной и туманной» [6, с. 52].*

Как и подобает произведениям сказочного жанра, в «Руслане и Людмиле» несколько раз используется символическое число три: трех могучих соперников имеет Руслан (Рогдая, Фарлафа и Ратмира), в трех поединках Руслан одерживает победу (с Рогдаем, говорящей головой и карлой). Таким образом, очевидно, что поэтика сказочного жанра широко представлена в «Руслане и Людмиле», поэтому путаница в терминологии вполне объяснима.

Между тем, необходимо обратить внимание на важный структурно-художественный компонент произведения – образ Автора, Рассказчика, Повествователя (или как сейчас принято говорить – наратора), который идет вразрез со сказочной формой повествования, где рассказчик как бы обезличен, нейтрален. Образ Автора-наратора в «Руслане и Людмиле» – это самостоятельный образ, он наравне с другими образами присутствует в произведении, более того, он незримый свидетель происходившего, он в одном лице судья и адвокат своих героев, сторона сочувствующая и осуждающая. Однако, как пишет Б. В. Томашевский, «...это не значит, что, будучи принципиально новым художественным образом, он действительно совместился с личностью Пушкина, явился ее доподлинной художественной проекцией. Но он создает иллюзию такого совмещения, и в этом его перспективность» [8, с. 306]. Примечательно в этом отношении уже само вступление к произведению, в котором Автор-наратор прямо говорит читателю о том, что все описанное он видел и слышал сам, что он был в том сказочном краю, видел «ученого кота», слушал его «сказки» и, соответственно, имеет полное право на этот занимательный эмоциональный рассказ:

*«И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил ...» [6, с. 12].*

Более того, в продолжение рассказа Автор-наратор спешит прокомментировать каждый сюжетный эпизод, описать внутреннее состояние своих героев, подготовить читателя к эмоциональному восприятию той или иной сюжетной ситуации, он как бы стремится своей лирической эмоцией заразить и захватить читателя и невольно вовлечь его в этот красочный приключенческий сказочный мир. Как справедливо отмечает Е. Н. Купреянова, «... слог первой законченной поэмы Пушкина создает иллюзию единого и естественного потока свободно льющейся авторской

речи, одновременно лирической и повествовательной, местами шутливой и иронической, подчас фривольной...» [4, с. 246].

Обращает на себя внимание и обилие лирических отступлений в «Руслане и Людмиле», в которых Автор-наратор фривольно рассуждает о различных предметах: о разрушительной силе злобы и зависти, о милой ветрености юных дев, о прелести старинных преданий, о чистоте и верности супружеских отношений. При этом лирические отступления очень гармонично входят в художественную структуру произведения, создавая атмосферу высокой лиричности и эмоциональной выразительности:

*«Ах, если мученик любви
Страдает страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но после долгих, долгих лет
Обнять влюбленную подругу,
Желаний, слез, тоски предмет,
И вдруг минутную супругу
Навек утратить... о друзья,
Конечно, лучше б умер я!» [6, с. 16].*

Приведенный отрывок ярко иллюстрирует, как Автор помогает читателю глубже проникнуться состоянием Руслана сразу после похищения с их брачного ложа Людмилы, стремится вызвать у читателя понимание и сочувствие, а вместе с тем, – и враждебность к неизвестному коварному похитителю, и, конечно, – неперемнное желание полного отмщения.

Автор держит читателя в постоянном эмоциональном напряжении, стремится установить с читателем эмоциональный и психологический контакт и пронести его через все произведение, чтобы читатель не сбился с необходимой лирической ноты, и испытал состояние не только душевного, но и сердечного катарсиса.

Очевидно, что и образ Автора, и лирические отступления в «Руслане и Людмиле» работают не по законам сказочного жанра: лирическая составляющая слишком ярко представлена в произведении, чтоб отнести его к жанру сказки. Поэтому следует рассмотреть «Руслана и Людмилу» в аспекте поэтики другого жанра – поэмы.

«Поэма (poëma) – один из видов лиро-эпического повествовательного рода литературы: стихотворное сюжетное повествование, стихотворная повесть или рассказ в стихах.

В поэме поэт повествует о поступках и переживаниях своего героя, о событиях, в которых он участвует, и одновременно, как и в лирических произведениях, передает свои переживания, вызванные жизненным

явлением, отраженным в поэме. Эти переживания поэт выражает в лирических отступлениях в поэме и в той эмоциональной окраске всего рассказа, которую придает поэме и стихотворная форма ее изложения. Таким образом, в поэме наряду с героями, действующими лицами повествования, есть еще и лирический герой» [3, с. 119]. Приведенную словарную дефиницию жанра поэмы легко спроецировать на наше произведение и увидеть, что все ключевые признаки жанра в «Руслане и Людмиле» представлены налицо. Повествовательное, сюжетное начало – это эпическая составляющая, а обилие лирических отступлений и особое место Автора-наратора в произведении без сомнения относятся к лирическому началу. В пользу поэмы свидетельствует и стихотворная форма «Руслана и Людмилы», причем стих – отточенный, лаконичный, афористичный. Нельзя не отметить также широкое использование автором описаний картин быта и того локального топоса, где происходит действие: будь то поле, усеянное костями храбрых воинов, либо описание экзотического сада карлы-колдуна, в котором гуляет Людмила:

*«<...> И наша дева очутилась
В саду. Пленительный предел:
Прекраснее садов Армиды,
И тех, которыми владел
Царь Соломон иль князь Тавриды.
Пред нею зыблются, шумят
Великолепные дубровы;
Аллеи пальм и лес лавровый,
И благовонных миртов ряд,
И кедров гордые вершины,
И золотые апельсины
Зерцалом вод отражены...» [6, с. 38].*

Наличие подобных описаний также свидетельствует в пользу поэмы, тогда как действие в сказках лишено бытовой конкретности, оно, как выше упоминалось, как бы обнажено.

Таким образом, в жанровом отношении «Руслан и Людмила» являет собою органичный новаторский жанровый синтез, это – поэма-сказка, или как пишет Е. Н. Купреянова: «Руслан и Людмила» принадлежит к жанру волшебной национальной поэмы...» [4, с. 246]. С данным определением можно согласиться, если под словом «волшебная» Е. Н. Купреянова имела в виду сказочную природу поэмы.

Как уже отмечалось, «Русланом и Людмилой» А. С. Пушкин произвел революцию не только в жанровом отношении, но и прежде всего – в языковом вопросе. Язык произведения никого из современников поэта не оставил равнодушным. Архаисты-классицисты (бутырский

критик «Вестника Европы»)[См. Вестник Европы. – 1825. – №6. – С.115] обвиняли А. С.Пушкина в использовании «мужицких» рифм и «неприличных слов и выражений», ближайшие литературные друзья и единомышленники поэта восприняли «Руслана и Людмилу» как непозволительную, бестактную насмешку над их общим учителем (речь идет о В. А. Жуковском и его поэме-балладе «Двенадцать спящих дев»). Кстати говоря, в научных кругах существует мнение (Е. Н. Купреянова), что «Руслан и Людмила» в жанровом отношении не просто волшебная, а ирои-комическая поэма, но она, как и многие литературные пародии Пушкина, не преследует цели осмеяния пародируемых явлений, а является, скорее, одной из форм соревнования с ними..., выявляя слабые, изжившие себя стороны предмета пародии, демонстрирует и приводит в действие его актуальные, но скрытые возможности» [4, с. 246]. По-видимому, сам В. А. Жуковский, прослушав произведение в чтении автора это пронизательно понял и честно признал художественное превосходство А. С. Пушкина, подарив ему свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя... 1820 марта 26».

Высоко о слоге «Руслана и Людмилы» отзывался В. Г. Белинский, полагавший богатство и разнообразие слога поэмы залогом ее народности: «Все восхищались ее языком, стихами, всегда легкими и звучными...; <...> рассказом плавным и увлекательным, живым и быстрым..., и никому в голову не приходило требовать от этой поэмы народности, к которой обязывалось ее заглавие и самое содержание, естественности, поэтической мысли, вполне художественной отделки» [1, с. 309]. Это тем более важно, что проблема народности была одной из самых обсуждаемых и полемических в первой четверти XIX века, когда особую остроту приобрело противостояние классицистов-архаистов и романтиков-новаторов.

Действительно, слог «Руслана и Людмилы» удивил современников то пылкой, грустно-элегической тональностью, то неожиданным разговорно-грубоватым просторечием. Однако в этой стилистической пестроте заключался новаторский замысел Пушкина. Он тем самым как будто бы стремился стать ближе к читателю, а многочисленные диалоги и монологи своих персонажей сделать убедительней и выразительней. Благодаря столь яркому стилистическому арсеналу, Пушкину удалось сделать язык персонажей дополнительным средством их моральной характеристики, а также представить еще один способ авторского отношения к ним. Достаточно сравнить авторскую лексику в эпизодах, касающихся описания эмоционального состояния Людмилы после того, как ее похитили, или Руслана, бесконечно тоскующего о своей возлюбленной, с авторскими ремарками и выражениями, в которых речь идет о злых намерениях карлы-колдуна или его сообщницы Нainya:

*«Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бегая с утра,
Устала, слезы осушила,
В душе подумала: пора!
На травку села, оглянулась –
И вдруг над нею сень шатра,
Шумя, с прохладой развернулась;
Обед роскошный перед ней...» [6, с. 40].*

и

*«Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдун решил наконец
Поймать Людмилу непременно.
Так Лемноса хромой кузнец,
Привяв супружеский венец
Из рук прелестной Цитереи,
Раскинул сеть ее красам,
Открыв насмешливым богам
Киприды нежные затеи...» [6, с. 68-69].*

Приведенные примеры красноречиво показывают, что Людмилу даже в «злой» стороне невидимые силы добра не оставляют, всячески поддерживают, не позволяя ей впасть в отчаяние. И наоборот, повелитель зла карла, пребывая, казалось бы, в своей злой стихии, все равно испытывает душевный дискомфорт, душевные и физические терзания.

Анализируя язык «Руслана и Людмилы», нельзя не отметить также использование автором устойчивых народных выражений, поговорок: «Еду, еду, не свищу, а как наеду, не спущу!», «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», нередки сочетания в поэме высоких старославянских слов и выражений, как то: *брада, власы, брег, младость* с просторечными, часто грубыми словесными выражениями по образцу: скрежетать зубами, толпится с кликами. «Отсюда, – как справедливо отметил Ю. Лотман, – поражавшее современников ощущение новизны и необычности пушкинского стиля Благодаря этому смешению, Пушкин смог отказаться от принципиального деления средств языка на «низкие» и «высокие». Это явилось существенным условием решения им важнейшей национально-культурной задачи – синтеза языковых стилей и создания нового национального литературного языка» [5, с. 9].

Таким образом, очевидно, что историко-литературное значение «Руслана и Людмилы» очень велико, а «возбужденные этою поэмою толки и споры о классицизме и романтизме были эпохою обновления русской литературы» [1; 309].

Собственно, в этих, поистине справедливых словах и Ю. М. Лотмана, и В. Г. Белинского и отражен тот новаторский вклад А. С. Пушкина в русскую словесность, который стал мощным импульсом для ее дальнейшего развития и совершенствования. Как видно, особое место в этом отношении принадлежит «Руслану и Людмиле».

Анотація

У статті твір О.С.Пушкіна «Руслан і Людмила» проаналізовано в аспекті його жанрово-стилістичної специфіки. Визначено, що в «Руслані і Людмилі» містяться яскраво виражені жанрові ознаки як казки, так і поеми, що дозволило віднести твір до жанру чарівної ірої-комічної поеми. Аналіз мови «Руслана і Людмили» показав, що його стилістична строкатість (змішування високих й простомовних слів і висловів) свідчать на користь мовленевого багатства і народності твору.

Ключові слова: жанр, стиль, поема, казка, чарівно-фантастичне начало, ліричні відступи, автор-наратор, стилістична строкатість.

Summary

In the article the work by O.S. Pushkin "Ruslan and Ludmila" is analyzed in the aspect of genre-stylistic specification. It is determined that in the work "Ruslan and Ludmila" are the brightly expressed genre signs of both fairy-tale and poem that has allowed to attribute this work to the genre of magic comical poem. The language analysis has showed that its stylistic brindle (mixing of high and simple words) testify in behalf on speech riches and nationality of work.

Key words: genre, style, poem, fairy-tale, charmingly-fantastic beginning, lyric retreats, the author-narrator, stylistic brindle.

Литература

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 9 т. – Т.6. Статьи о Державине; Статьи о Пушкине; Незаконченные работы. Ред. Ю.С.Сорокин. /Подгот. текста В.Э.Бограда; Статьи и примеч. К.И.Тюнькина / В. Г. Белинский. – М.: Художественная литература, 1981. – 678 с.

2. Кравцов Н. И. Сказка как фольклорный жанр // Специфика фольклорных жанров / Н. И. Кравцов. – М., 1973. – С.68-84.

3. Краткий словарь литературоведческих терминов. Ред. проф. Л.И.Тимофеев. – М.: Учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1963. – 192 с.

4. Купреянова Е. Н. А. С. Пушкин // История русской литературы: В 4 т. – От сентиментализма к романтизму и реализму / Е. Н. Купреянова. – Л.: Наука, 1981. – Т.2. – 655 с.

5. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя / Ю. М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В X т. – Поэмы и сказки / А. С. Пушкин. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – Т. IV. – 595 с.
7. Теплинский М. В. История русской литературы XIX века: Учеб. Пособие / М. В. Теплинский. – К.: Выща шк., 1991. – 423 с.
8. Томашевский Б. В. Пушкин / Б. В. Томашевский. – М.-Л., 1956.– Кн.1.

УДК 82-31:398

Елена Белинская
(Донецк)

**ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРЯДОВОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ
М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» И ПОВЕСТИ И. А. БУНИНА
«ДЕРЕВНЯ»**

Статья посвящена изучению трансформационных процессов обрядово-ритуальной системы славянской культурной традиции в переломную эпоху. На примере двух произведений XX века, в которых сохраняется бытописательная установка и обрядово-ритуальный комплекс, выделяются универсалии, на которых основывается обрядовая система, рассматриваются причины и последствия трансформационных процессов, затронувших данную систему.

***Ключевые слова.** Обряд, ритуал, бытописательная традиция, трансформация, переломная эпоха.*

«Рубеж веков», «перелом веков», «переломная эпоха» или «эпохальный перелом» – все это синонимичные словосочетания, отражающие трагичность грядущих изменений, назревающую конфликтность ситуации перехода, смены одного времени другим.

Конфликтность этой ситуации, назовем ее «пограничной», усугубляется тем, что «перелом», как правило, затрагивает весь жизненный уклад, поворачивая и самое течение жизни в иное русло.

В этой связи интерес вызывают произведения, в которых авторы обращаются к истокам народной жизни, к обрядовости и устному творчеству, которое ее сопровождает. Здесь мы имеем дело также с бытописательной установкой, опорой на традиционность жизненного, семейного уклада, значимость для человека основных его составляющих.